

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Иванченко Надежды Вадимовны «Репрезентация идей конфуцианства в устойчивых единицах китайского языка», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка

Китайский язык, несмотря на древнюю историю существования, и будучи самым распространенным языком мира (в силу демографических особенностей Китая), по-прежнему относится к редким языкам – в том отношении, что он еще не достаточно изучен, особенно в сравнении с индоевропейскими языками.

Значимость развития междисциплинарного и синтезирующего подходов к исследованию механизмов и принципов репрезентации культурных знаний через устойчивые единицы языка, реконструкции системы ценностных миропредставлений иной культуры через первичные конфуцианские тексты являются неоспоримым обоснованием актуальности темы данного научного исследования. В работе Н. В. Иванченко находят глубокую проработку теоретические понятия (устойчивая единица языка, концепт, лингвокультурема, лингвоидеологема), которые касаются не только китайского языка, но и в целом лингвистических исследований; адекватно используются подходы когнитивной, аксиологической лингвистики, философии и культурологии.

В первой главе **«Теоретические основы изучения устойчивых языковых единиц как форм репрезентации идей конфуцианства»** системно анализируются различные подходы к интерпретации фразеологических единиц, вводится понятие «устойчивая языковая единица» в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах, раскрывается специфика устойчивых единиц китайского языка. По итогам анализа представляется сравнительная таблица разновидностей устойчивых языковых единиц в русском и китайском языках, отражается их частичное

соответствие. К специфическим устойчивым единицам китайского языка автор относит *чэньюй*, *гуаньюньюй* и *сехоуюй* (последние два класса единиц обнаруживают относительное сходство при сравнении с фразеологическими единствами и фразеологическими сочетаниями русского языка). Особое внимание автор уделяет описанию конфуцианства как системы взглядов, представленной в конфуцианских канонических книгах. Результат тщательного исследования корпуса конфуцианских канонов отражен автором в сводной таблице, представленной в приложении. В этой части работы, вероятно, требует уточнения факт анонимности большинства, если не всего корпуса конфуцианских текстов, поэтому говорить о «собственно конфуцианских текстах» (с. 51) вряд ли возможно.

Обоснование термина «устойчивая единица языка» в русле когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, выявление особых разновидностей соответствующих единиц в китайском языке, иллюстрация каждого аспекта анализа примерами говорит об умении Надежды Вадимовны интегрировать различные подходы и способности давать критическую оценку анализируемому материалу. Предложенные диссертантом схема соотношения компонентов триады «идея»: «концепт»: «устойчивая языковая единица», таблица разновидностей устойчивых языковых единиц, сводная таблица конфуцианских канонических текстов, на наш взгляд, существенно повышают вес полученных результатов.

Во второй главе **«Способы и формы репрезентации идей конфуцианства в устойчивых языковых единицах»** проводится анализ ключевых идей и базовых концептов конфуцианской парадигмы, выявляются особенности их репрезентации в устойчивых единицах китайского языка, предлагаются способы трансляции конфуцианских концептов через лингвокультуремы и лингвоидеологемы, определяется соотношение и частотность форм репрезентации идей конфуцианства через предложенные в первой главе разновидности устойчивых единиц китайского языка (*чэньюй*, *сехоуюй*, *яньюй*, *гуаньюньюй*, *гэянь*, *цзинцюй*).

Вся совокупность письменных текстов в рамках конфуцианской идеологии обозначена в работе как *конфуцианский дискурс*. Основными его характеристиками выступают: 1) устойчивая система жанров (философские трактаты, пофразовые комментарии и юйлу); 2) обширный ряд первоисточников (классических произведений, или канонов); 3) сформированный набор концептов; 4) иерархия этических типов людей.

К важным особенностям конфуцианского дискурса автор относит устойчивую систему жанров, отмечая, что «многие конфуцианские трактаты образуют устойчивую «текстовую пару» с комментарием» (с. 69) – здесь можно было, как нам представляется, несколько развернуть обоснование, указав на то, что некоторые комментарии (传) трансформировались в каноны, а не просто составили «текстовую пару». Это, кстати, наглядно показано в отношении канона *Чунь Цю* в приложении к диссертации (с. 177) и в таблице 2 автореферата (с. 12). В результате анализа автор выделяет 19 базовых концептов конфуцианской культурной парадигмы: 道 *Дао* – Дао-путь; 德 *Дэ* – благая сила; 和 *Хэ* – симфония разнородных элементов; 礼 *Ли* – этикет; 儒 *Жу* – конфуцианское учение; 君子 *Цзюньцзы* – благородный муж; 小人 *Сяожэнь* – неблагородный человек; 小康 *Сяокан* – малое благоденствие; 大同 *Да тун* – великое единение; 仁 *Жэнь* – гуманность; 义 *И* – справедливость; 智 *Чжи* – мудрость; 信 *Синь* – искренность; 中庸 *Чжунюн* – золотая середина; 孝 *Сяо* – усердное исполнение сыновнего долга; 悌 *Ти* – почтительное отношение к старшим; 忠 *Чжун* – преданность; 勇 *Юн* – мужество; 文 *Вэнь* – культура.

Предложенная совокупность концептов достаточно логична и в целом не вызывает сомнений. Однако, на наш взгляд, определяя концепт 和 *Хэ* как «симфонию разнородных элементов» автор использует не самую удачную интерпретацию. Вместе с тем, обосновывая выделенные базовые концепты, Надежда Вадимовна совершенно правомерно допускает возможность иной

интерпретации и набора ключевых конфуцианских концептов, ссылаясь на других ученых, предлагающих свои модели. Вероятно, Надежда Вадимовна, интерпретируя концепт 和 Хэ, в большей степени опиралась на грамматологический анализ знака 和. Графический анализ, безусловно, важен, но как дополнительный к общей картине. В данном случае можно было более критично подойти к анализу и отразить парадигму интерпретаций 和 Хэ, отталкиваясь от канона *Лунь Юй*, где характеризуется гармоничность межличностных отношений между отцом и сыном, государем и подданными, и интерпретацию более позднего источника *Чжун Юн*, где 和 понимается уже в метафизическом плане – гармония в устройстве мира, которая зависит от человека, от реализации его дао-пути.

На заключительном этапе исследования автор, используя прием количественных подсчетов, убедительно демонстрирует, что базовые концепты конфуцианства репрезентуются, главным образом, в виде *чэньюй*.

Полученные в процессе диссертационной работы выводы и сформулированные положения на защиту имеют под собой четкое научное обоснование, и являются результатом стройного логического построения всей диссертации, носящей целостный и законченный характер.

Заслуживает одобрения теоретическая база работы. Она включает в себя во-первых, исследования фразеологических основ отечественного и китайского языкознания (Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Амосова, А. М. Бабкин, В. В. Виноградов, С. Г. Гаврин, В. И. Горелов, В. Н. Гришанова, В. П. Жуков, В. И. Зимин, В. В. Истомина, Н. Н. Кириллова, А. В. Кунин, В. М. Мокиенко, А. Л. Семенас, М. И. Сидоренко, А. И. Смирницкий, Ю. П. Солодуб, В. Н. Телия, Ван Дэчунь, Ван Цинь, Гао Гэ Дун, Ма Го Фань, Сунь Вэй Чжан и др.); во-вторых, исследования теории конфуцианского идейного течения (Л. С. Васильев, М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, В. В. Малявин, А. Г. Юркевич, Л. С. Переломов, Я. Б. Радуль-Затуловский, Фэн Юлань, Шэнь Чжэн, Доу Сюянь, Хун Чэн, Ян Дуаньчжи, Бо Юнцзюй, Чжан Дайнянь, Ван Бансюн).

Огромный труд проделан автором в процессе анализа конфуцианских канонических текстов, разного рода словарей, устойчивых единиц китайского языка на материале текстов политического дискурса (выступления Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина в 2012–2016 гг.); разработан механизма закрепления и трансляции средствами языка базовых концептов конфуцианской культурно-ценностной парадигмы, все это неоспоримо определяет теоретическую и практическую значимость работы, а также личный вклад соискателя в когнитивную лингвистику, культурологию и отечественную лексикографию.

Наши замечания и вопросы к автору рецензируемой диссертации:

1. Автор ставит перед собой задачу «охарактеризовать состав конфуцианских текстов, проанализировать ключевые идеи конфуцианства как культурной парадигмы» (с. 5), что в целом удалось показать в работе. При описании конфуцианской культурной парадигмы автор совершенно справедливо опирается на следующие источники: *Лунь Юй*, *Ши Цзин*, *Шу Цзин*, *Ли Цзи*, *Сяо Цзин*. При этом, канон *Чжоу И*, заявленный как источник для выявления устойчивых единиц языка, практически не получает описания при анализе ключевых идей и концептов конфуцианства, что нам представляется не совсем обоснованным. Отсюда возникает вопрос основания выбора канона *Чжоу И* для выявления устойчивых единиц языка.
2. При выделении четырех базовых концептов конфуцианской культурной парадигмы (глава 2) автор оперирует такими терминами как «категория» и «концепт», однако в работе не конкретизируется разница между этими терминами, не разграничивается сфера их употребления, что, на наш взгляд, нарушает единообразие научного исследования. Далее выделяются ещё пятнадцать базовых концептов конфуцианской культурной парадигмы, при описании которых автор уже не пользуется термином «категория», только «концепт». Это дает основание полагать, что пятнадцать концептов выводятся несколько

иначе, нежели первые четыре. Просим пояснить, чем отличается концептуальный анализ в первом и во втором случаях, проводился ли грамматологический анализ при выделении 15 базовых концептов конфуцианской парадигмы.

3. При проведении графического анализа иероглифов 道 *дао*, 德 *дэ*, 和 *хэ*, 禮 *ли* автор пользуется термином «графема», который в отечественной синологии используется для характеристики структуры составляющих иероглифического знака. Между тем, автор ставит перед собой задачу описания влияния составляющих на общую семантику знака, поэтому, с нашей точки зрения, было бы логичнее использовать более устойчивые термины «ключ» или «морфограмма», которые содержат в себе смысловозначительную функцию. Кроме этого, трактуя знак 禮 *ли*, автор в автореферате (с.14) и в диссертации (с. 88) определяет графему 豐 как фонетическую, что не показывает «игру» семантики составляющих и противоречит утверждению автора, что «каждая из составляющих графем имеет значение, оказавшее влияние на общую семантику» (с. 87), хотя в тексте диссертации (с. 85) в ходе графической реконструкции знака 禮 *ли* автор сам предлагает одно из первых значений для 豐 – ритуальный сосуд.
4. Еще один момент, на который мы обратили внимание – при описании четырех базовых концептов конфуцианской культурной парадигмы автор пользуется штампами «многие ученые КНР», «есть мнение», «некоторые авторы» (с.78-79), что, на наш взгляд, некорректно и требует уточнения: какие именно учёные, чьё конкретно мнение. В некоторых случаях цитаты не оформлены ссылками на авторов. Например, «Шэнь Чжэн, проанализировав конфуцианскую концепцию «середины», пришел к заключению, что она представляет собой «учение о дэ», связанное с дао, смысл которого – «закон» (с.79) – ссылки нет. При описании категории 和 (с. 81) автор приводит ее

перевод в кавычках, но ссылка также не оформлена, поэтому непонятно, чье это определение.

5. В целом в тексте диссертации выверены все названия канонических книг и категорий китайской традиционной культуры, но есть некоторые огрехи, а именно: «*书经 Шу Цзин* (Книга песен)» (с.64), вместо Книга истории, понятия «инь» и «янь» (с.78, 81), вместо «инь» и «ян».

Полагаем, что наши замечания и вопросы носят скорее дискуссионный характер и не должны влиять на положительную оценку данного исследования. Представляется, что рецензируемая работа выполнена на высоком научном уровне. Автореферат диссертации и публикации автора верно отражают её основные положения.

Диссертация Иванченко Надежды Вадимовны – вполне завершённый труд. Его общелингвистический статус, актуальность темы, высокая степень научных положений, выводов и рекомендаций, достоверность и новизна научных положений, репрезентативность эмпирического материала не вызывают сомнений. Диссертационное исследование «Репрезентация идей конфуцианства в устойчивых единицах китайского языка» соответствует паспорту специальности 10.02.19 – теория языка и полностью отвечает требованиям, предъявляемым к научным трудам этого уровня, изложенным в пункте 9 (является квалификационной работой, в которой решаются значимые для лингвистики задачи), 10 (написана самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для научной защиты), а также в пунктах 11, 12, 13 «Положения о присуждении ученых степеней» в редакции Постановления Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842.

Надежда Вадимовна Иванченко – вполне состоявшийся исследователь. Соискателем проделана внушительная работа по сбору и осмыслению материала, связанного с изучаемой проблемой. Автор рецензируемой работы

заслуживает искомой учёной степени по специальности 10.02.19 – теория языка.

Официальный оппонент,
кандидат филологических наук
(10.02.19 – теория языка),
доцент кафедры востоковедения и
регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона
Института филологии, иностранных языков
и медиакоммуникаций
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»

 Шишмарева
Татьяна Евгеньевна

Адрес: 664003 г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1
Тел.: 89148995900
E-mail: taniyashi72@yandex.ru

Отзыв к. ф. н., доцента Шишмаревой Т.Е. заверяю:
Ученый секретарь ФГБОУ ВО «ИГУ»

Н. Г. Кузьмина

15.03.2018

